

18+ Альбина Демиденко

ИСПОВЕДЬ

Альбина Демиденко
Исповедь. Маленький
роман о большой жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39287058

ISBN 9785449370853

Аннотация

Действие романа «Исповедь» рассказывает о жизни наших современников. Георгий, инженер-физик, занимается секретными разработками ядерной физики, продолжая дело своего отца. Его любимая девушка Соня – журналист. Много жизненных испытаний выпадает на долю молодых людей, но любовь и надежда помогают преодолеть все трудности.

Содержание

Исповедь	6
Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	52
Глава 9	59
Глава 10	63
Глава 11	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

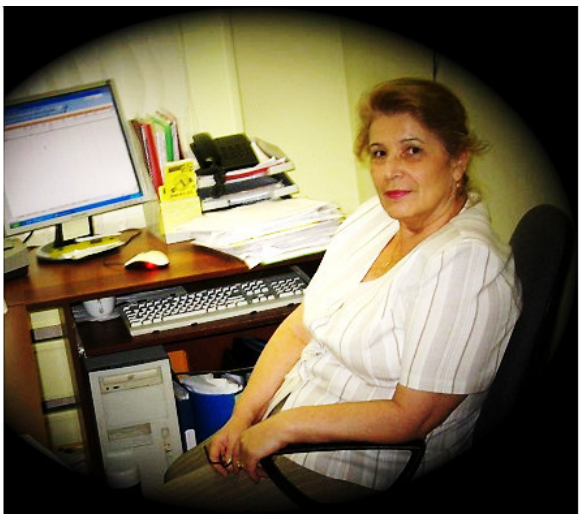
Исповедь Маленький роман о большой жизни

Альбина Демиденко

© Альбина Демиденко, 2018

ISBN 978-5-4493-7085-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Роман «Исповедь» впервые был опубликован в 2016 году небольшим тиражом и вызвал немалый интерес. По многочисленным просьбам мною принято решение на переиздание книги. При подготовке нового тиража на основе ваших замечаний и пожеланий внесены некоторые изменения. Надеюсь, новый вариант романа не разочарует. Приятного времяпрепровождения.

С уважением, Альбина Демиденко.

Исповедь Маленький роман о большой жизни

Предисловие

«В соответствии с планом проведения научно-исследовательских работ, в последние дни в Советском Союзе произведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение действия атомного взрыва

При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским ученым и инженерам успешно решать задачи по защите от атомного нападения». (Газета «Правда» 17.09.1954г.)

Что скрывается за этим строгим, кратким сообщением ТАСС, опубликованном в газете «Правда» 17 сентября 1954 года? Констатация, оповещение или предупреждение?

В век интернета и свободного словоблудия тема необходимости создания грозного оружия неиссякаема. Сегодня, спустя шестьдесят лет, мы вновь и вновь задаем этот риторический вопрос. С постоянной периодичностью возникают

«воспоминания очевидцев, письма пострадавших» 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне.

Не отрицаю, необходимо помнить о тех, кто ценой своей жизни, жизни своих близких и родных обеспечил мир последующим поколениям, нам, ныне живущим. Помнить, а не спекулировать их именами! Их жизнь не бесцельно положена к ногам последующих поколений! Я не буду вдаваться в историю тех лет, но напомним лишь два факта, а выводы делайте сами, уважаемые читатели.

В 1946 году тридцать третьему президенту США Гарри Трумэну был представлен доклад «Американская политика в отношении СССР», в котором говорилось: *«Советский Союз трудно одолеть, ибо его промышленность и природные ресурсы рассредоточены. Однако он уязвим для атомного и бактериологического оружия, для дальних бомбардировщиков. Следовательно, США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну».*

В 1948 году журнал Newsweek («Ньюсуик») писал: *«Американская стратегия исходит из создания баз вокруг сферы влияния русских с последующим нанесением ударов с воздуха. США имеют лишь два вида оружия, способного противостоять многомиллионной армии русских: стратегическую авиацию и атомную бомбу. ... США не намерены перебрасывать войска в Европу и сражаться по принципу „солдат за солдата“. Наполеон и Гитлер допустили подобную ошибку и были прогло-*

чены Россией, имевшей колоссальные людские резервы. Американские стратеги предпочитают замкнуть петлю военно-воздушных баз вокруг России и постепенно стягивать ее»

В создавшейся политической ситуации не понимать, что атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 года всего лишь маленькая репетиция, означало быть слепым и глупым политиком. Еще в 1948 году американские стратеги планировали «... замкнуть петлю военно-воздушных баз вокруг России и постепенно стягивать ее».

Что мы видим сегодня? Литва, Латвия, Эстония, Польша, Болгария, и вот уже Украина полыхают в огне раздора!

В опаленной солнцем уральской степи, недалеко от маленького провинциального городка Бузулук в память о событиях, произошедших 14 сентября 1954 года, установлена стела с двумя колоколами, звонящими по всем пострадавшим от радиации. На стеле выбиты слова: «Презревшим опасность во имя обороноспособности Родины».

Клонится к земле седой ковыль, плывет над степью тихий, печальный звон. По кому плачут колокола, по кому тоскует седая степь?

Моему отцу было тридцать пять лет. Он работал инструктором в Чкаловском (Оренбургском) обкоме партии. Я не могу сказать точно, но по отрывочным воспоминаниям родных и близких отец был среди тех, кого припорошил

«Снежок»*. Спустя четыре года папа ушел из жизни. Вначале лечили его от воспаления легких, затем от туберкулеза, а когда умер, один из знакомых врачей шепотом сообщил маме: «Что поделаешь? Рак печени и легких. А это неизлечимо».

В романе «Исповедь» я попыталась рассказать о своих сверстниках, судьба которых опалена светом «Татьянки»*. Основа произведения построена на фактической истории одной семьи.

С уважением, автор.

2010, г. Москва

Глава 1

*Светлой памяти моего отца,
Голубева Василия Фёдоровича,
посвящается*

– Я очень виноват перед своей женой и сыном, – тихим усталым голосом начал он свою неожиданную исповедь. – Мой отец был атомщиком. Что такое в далекие пятидесятые изучать атомную энергию? Это, прежде всего интерес, оптимизм и огромная вера в то, что делаешь. Это постоянный риск и никакой – ни физической, ни химической, ни социальной – защиты. Физику, химию, космос, атом в те далекие времена изучали только фанаты, бескорыстно преданные своему делу люди. Занимаясь наукой, они не ждали ни орден, ни высоких зарплат, ни каких-либо почестей. Мой отец был именно таким увлеченным человеком, и когда пришло время испытаний, он в числе первых выдвинулся в Тоцкое. Слышали о таком населенном пункте? В последнее время о событиях, произошедших 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне, много говорят и пишут, но кто и когда подсчитает, какие человеческие потери сопровождали подготовительные работы и все последующие за испытаниями события.

Полтора года отец провел на полигоне, изредка сообщая

своей молодой жене, что жив и здоров. Вернулся он, окрыленный новыми идеями, с легкой простудой, которая затем перешла в крупозное воспаление легких. Мама и бабушка лечили его и традиционными, и народными средствами, однако через четыре месяца папа ушел из жизни. А спустя еще пять родился я. По просьбе бабушки меня в честь отца назвали Георгием. Говорят, я родился очень слабым ребенком и к трем переболел всеми детскими болезнями, начиная с краснухи и заканчивая свинкой или паротитом. Простите, не знаю правильного названия этой болезни. Дошло до того, что врачи сказали маме: «Этот ребенок – не жилец».

Моя бабушка из славного стойкого рода сванов, которые никогда не теряют надежду и никогда без боя не сдаются. После приговора врачей она увезла меня в свой родной высокогорный аул, а маму оставила в Москве: строго приказала завершить учебу в мединституте, которую та прервала из-за болезни отца и моего рождения. Горный воздух, хрустальная вода родников или еще какие причины, но уже к семи годам я был здоровым, подвижным и физически крепким бутузом. Сейчас смотришь на старые фотографии и удивляешься: щеки шире плеч, ушей не видно. В шесть лет я практически не знал русского, но довольно-таки хорошо читал и писал на родном языке, неплохо для своего возраста владел английским, которому на каникулах меня обучал кузен, в ту пору студент московского института иностранных языков.

На семейном совете было принято решение, что учить-

ся я буду в московской школе. Летом мы с бабушкой переехали к маме, которая к тому времени уже окончила обучение в мединституте и работала педиатром в Филатовской детской больнице. Это лето запомнилось мне до мельчайших подробностей, видимо, потому что полностью перевернуло привычный с младенчества образ жизни, вывело на какой-то новый виток.

В те далекие годы для поступления в школу ребенку необходимо было пройти обязательный медицинский осмотр. В детской поликлинике по месту жительства участковый врач долго и внимательно рассматривала мою пухлую медицинскую карту, вчитывалась в каждое слово, переспрашивала, действительно ли я болел той или иной болезнью. Моя терпеливая мама вначале давала пространные ответы. Мне было не интересно их слушать, и я внимательно следил за большой черной мухой, которая билась о стекло закрытой створки окна и никак не могла, глупая, сообразить, что рядом настежь открыта вторая, через которую можно спокойно улететь. Очень было любопытно – догадается муха найти способ спасения или нет. Но она всё билась и билась, а толстая тетка всё бубнила и бубнила. Наконец врач дочитала историю болезни и заговорила со мной.

– Как тебя зовут, мальчик? Как ты себя чувствуешь? – Я догадался, о чем она спрашивает, но от неожиданности не мог вымолвить ни слова.

– Сынок, тетя врач спрашивает, как тебя зовут, и не бо-

лит ли у тебя что-либо, – ласково обратилась ко мне мама.

– Так он у вас еще и русского языка не знает? – взвизгнула докторша.

– Знает, но очень плохо. Я думаю, к школе мы наверстаем упущенное.

– Глянь, она думает! Нет, милая моя, пройди со своим дитятем подробенькую комиссию после всех этих болячек. Посмотрят его специалисты и решат, годен ли он вообще учиться в нормальной школе или его куда в другое место определить.

Я видел, как щеки мамы вспыхнули, и гнев мелькнул в печальных глазах, но она сдержалась.

– Хорошо, выдайте направление на обследование в любую центральную поликлинику.

– Вот я и дам, дам! В Филатовскую! Там проверят и его прошлые болезни, и последствия, а если необходимо, то направят куда следует. Уж там не ошибутся! Будь уверена.

До сих пор помню, как бушевала бабушка, когда мама рассказала ей о приеме у врача. В тот же вечер было принято решение: отныне в доме все разговаривают только на русском языке. Был составлен план подготовки к школе, куда включили ежедневные целенаправленные прогулки по Москве, посещение детских спектаклей, просмотр кинофильмов и обязательное обучение чтению. День мой проходил строго по расписанию.

Глава 2

Когда мама принесла выданное врачихой направление, главврач – толстый, смешной дядька – предложил ей:

– Тамара Аслановна, может быть, отпишемся, что всё нормально, чего мальчика мучить.

– Нет, Петр Константинович. Я сама хотела попросить вас об обследовании.

– А что, есть причины?

– На данный момент причин нет, но меня беспокоит его ранний период развития: не осталось ли последствий.

– В таком случае берем молодого человека на работу. Студентов у нас болтается без дела много, подберите кого-нибудь, пусть походит с ним по специалистам. Итак, уважаемый, – обратился он ко мне, – с завтрашнего дня прошу не опаздывать на работу и исправно гулять по кабинетам в соответствии с указаниями.

Взрослый, спокойный тон главврача на меня подействовал магически, я старательно выполнял всё, что мне говорили.

Рано утром мы с мамой тихонько, чтобы не разбудить бабушку, завтракали и уходили в поликлинику. Мама вела прием в своем кабинете, а меня прикрепляли к медсестричке и отправляли «гулять по кабинетам». Отвернувшись и прикусив губу, я стойко терпел, когда брали кровь на анализ,

с любопытством озирался, когда просматривали на аппаратах, широко открывал рот и высовывал язык в кабинете ЛОР-врача и даже не пикнул, когда стоматолог пломбировал зуб. День за днем я осваивал новые кабинеты огромной Филатовской поликлиники и знакомился с мамиными сослуживцами, которые встречали меня с приветливой улыбкой.

– О, это Тамары Аслановны сынок! Настоящий джигит! – И я расправлял плечи, тянулся вверх!

Ближе к обеду приезжала бабушка с приготовленным обедом. Готовила бабушка очень вкусно и много: для нас, для медсестричек, что работали вместе с мамой, и даже студентам было чем перекусить. Затем мы шли гулять либо в парк на детскую площадку, либо на какой-нибудь детский спектакль. К вечеру возвращались домой. Бабушка готовила ужин, а я должен был прочитать заготовленные мамой тексты, произвести арифметические действия и непременно описать, что видел за день, какое впечатление произвело увиденное и пережитое. Впоследствии этот ритм сформировал мой характер, научил отслеживать события, делать выводы из познанного.

Как ни странно, но русский язык мне давался легко и быстро. Если вначале, описывая то или иное событие, я не мог подобрать слова, чтобы выразить свою мысль, и писал на грузинском или английском, то уже через пару недель таких вставок было намного меньше. Но вот выговаривать слова правильно, как ни старался, не получалось. Впрочем,

до сих пор при волнении акцент и неправильность ударений превалирует в моей речи. Как бы там ни было, благодаря терпению и упорству близких, уже через два месяца я был готов к школьным занятиям. Знал алфавит и сносно читал по-русски, производил арифметические действия в пределах сотни, писал простые предложения без грамматических и лексических ошибок, хорошо ориентировался в нашем районе.

Медицинское обследование я тоже прошел в полном объеме и получил заключение, что здоров и физически, и психически, годен для обучения в нормальной школе. Больше всех этому радовалась бабушка.

– Вот что значит родной воздух гор! Если бы мы тогда не послушались врачей и забрали Георгия домой, он был бы жив.

– Нет, Нана, Георгия мы не спасли бы. Его никто не спас бы, – с грустью ответила мама.

– О чем ты говоришь, девочка? Ты что-то новое узнала?

– Я практику проходила в той поликлинике, где Георгий стоял на учете. Мне удалось снять копию его истории болезни.

– И что там?

– Пока точно сказать не могу. Но, кажется, у него была лейкемия.

– Господи! Что это за страшная болезнь? Как мог заразиться ею наш Георгий и почему?

– Я пытаюсь разобраться. Лейкемия в настоящее время

еще не изученное явление, и природу ее возникновения никто не описал подробно. Страшно то, что она уносит жизни людей независимо от времени и возраста.

Эти слова матери запали мне в душу. С детской необузданной фантазией моментально представил себе старую, горбатую старуху с огромным мешком за плечами, с клюкой-корягой в руке, нечто среднее между Бабой-ягой и старухой Изергиль.

Глава 3

Учеба в школе мне давалась легко. Письменные задания чаще всего я выполнял еще в классе, а устные запоминались во время внимательного прослушивания лекций учителя, объясняющего новый материал. Несмотря на то, что меня заставили заниматься музыкой («Каждый интеллигентный человек обязан отличить Вагнера от Шуберта», – говаривала бабушка), времени свободного было много. Бесцельно бить баклуши запрещалось, и я увлекся чтением. Вначале это были детские произведения, но постепенно книжный голод заставил пожирать всё, что было набрано шрифтом. Ежедневно читал от заголовка до последней точки все газеты, которые в огромном количестве приходили для мамы и бабушки, журналы – от «Мурзилки» до «Советского медика», книги, которые попадались под руку. Постепенно любопытство и потребность в чтении завели в кабинет отца, строго хранимого мамой в том виде, в каком он остался на момент ухода папы из жизни.

Жили мы в большой светлой квартире, которая осталась нам от дедушки – командира авиационного полка, погибшего на войне. В ней и по сей день проживает мама. Дверь в папин кабинет всегда была закрыта, и только мама часто поздним вечером засиживалась там: выдавала полоска света из-под порожка да утром ее заплаканные глаза.

В классе четвертом, на зимних каникулах, когда бабушка уехала по делам в Сухуми, а мама была на работе, на свой страх и риск я зашел в эту святую святых нашего дома. Помню, как поразило обилие книг, четкими рядами расставленных на полках, с картонными, как в школьной библиотеке, указателями тематик. Загадочно читались имена авторов: Пифагор, которого еще Геродот называл «великим эллинским мудрецом», Давид Гильберт, вечно стремящийся к истине, геометр Эвклид, Ар-хи-мед... Правда, я тогда еще не знал, кто из них кто, но эти незнакомые имена будоражили. За ними скрывалась тайна.

По воле случая или судьбы первой книжкой, которую я самовольно выбрал в библиотеке отца, был «Новогодний подарок, или о шестиугольных снежинках» Иоганна Кеплера. Прочитал запоем, и всё – с тех пор для меня открылся мир цифр. Вы только подумайте: наш мир – всё в этой большой огромной вселенной – существует согласно кем-то заданному ритму! От стука сердца до движения галактик, всё подчиняется ритму, всё просчитывается по мгновению, всё упорядочено и урегулировано! Кто этот творец? Каким нужно быть гением, чтобы так рассчитать от малого до великого!

Бабушка первая заметила мое своевольство и долго хранила тайну о посещениях кабинета. Но однажды мама увидела у меня в руках одну из книг. Помню, как она побледнела и строго спросила, почему я без разрешения взял томик.

– Ты не говорила, что в кабинете нельзя брать папины

книги для чтения. Я очень осторожно обращаюсь с ними, ничего плохого не делаю. Все заметки я пишу на листочках. Папа тоже так делал. Он писал заметки на листках, которые вкладывал в книгу на нужную страницу.

– А ты откуда знаешь, что папа так делал?

– Догадался. Смотри, в каждой книге есть такие листочки. Это так удобно, можно проследить ход его мысли и понять решение того или иного вопроса.

– Сынок, но там, – она указала на кабинет, – взрослые книги, а ты еще очень мал и многого не поймешь.

– Что ты, мамочка, книги там разные и очень интересные! Кстати, если в одной из них что-то непонятно, то по папиным заметкам можно найти объяснение у другого автора. Ты знаешь, как он умно спорил и отстаивал свое мнение?

– Кто спорил? – удивилась мама.

– Папа. Папа спорил с разными авторами и какими-то людьми. И всё это можно проследить по его записям. Хочешь, я тебе покажу? Только это нужно читать внимательно.

Вечером бабушка испекла мои любимые пироги с абрикосами, в столовой был накрыт стол, и мы сели чаевничать. Всё было так торжественно, что я стал рыться в памяти, гадая, какое семейное торжество у нас в этот день отмечается.

– Георгий, – душа моя екнула, когда бабушка неожиданно строгим голосом начала беседу. Дома меня все с малых лет зовут Гоги, а отца Георгием. – Мы с мамой видим, каким ты взрослым и самостоятельным мальчиком стал. Мы

очень гордимся тобой. Ты хорошо учишься, ведешь себя как достойный сын. Потому пришли к мнению разрешить тебе пользоваться библиотекой отца, его книгами. Мы надеемся, что всё собранное твоим отцом, всё, чем он пользовался, будет тебе так же дорого, как и нам. Я хочу верить, дорогой мой внук, что те знания, которые почерпнул твой отец из этих книг, пойдут тебе на пользу, и ты достойно продолжишь его дело.

Я видел, как при этих словах мама поспешно прикрыла глаза рукой, скрывая слезы. Но душа моя в это время была глуха к страданиям других, она ликовала: мои женщины признали во мне взрослого.

– Нана, мальчику будет удобнее делать уроки за письменным столом отца.

– Ты права, дорогая, необходимо освободить ему полки для учебников.

В школе мою увлеченность первым заметил учитель математики и приложил все усилия, чтобы она не угасла. Это с его подачи в пятом классе я занял первое место на школьной математической олимпиаде. Помните, раньше такие были и проводились на всех уровнях образования, начиная со школы и заканчивая институтами. Прекрасное мероприятие, помогающее и заинтересовать, и увлечь. Увлеченный и заинтересованный ребенок не пойдет на улицу грабить и убивать, не будет впустую растрачивать время и в конечном итоге, при правильно направленном развитии, принесет

пользу обществу.

В шестом классе я получил два диплома: первое место на районной олимпиаде, и второе – на городской. И пошло-поехало! Учителя математики, физики, химии часто ради собственного спора подсовывали мне задачки одну сложнее другой, а я, не замечая подвоха, с удовольствием находил решения. Каждый из педагогов, получая верный ответ, всеми силами пытался направить мои мысли в сторону только своего предмета, возлагая надежды вырастить вундеркинда и в дальнейшем сказать: «Я дал ему путевку в жизнь!» Может быть, это и хорошо, но грех использовать увлечение ребенка в своих интересах. Это я понял только сейчас, а в ту пору для меня было приятно решать математические головоломки. Чем сложнее ставилась задача, тем интереснее довести ее до логического конца, отыскать ответ.

Глава 4

К окончанию средней школы я твердо определился, куда пойду учиться далее. В школьном аттестате красовались лишь отличные отметки, поэтому не составило особого труда поступить в МГУ на физмат. Маме и бабушке, проявляющей особенный интерес, я запретил показываться в университете, пригрозил, что пойду поступать в Тимирязевку. Каково же было удивление, когда в один из дней второго семестра увидел в рекреации оживленно беседовавших бабушку и нашего куратора.

– А вот и мой внук, Георгий, – представила она меня куратору.

– Мы уже знакомы, – вежливо пожал мне руку Илья Ильич. – Погодите-ка, Жужана Шоттовна, этот молодой человек сын нашего Георгия Георгиевича? Как же я сразу не догадался! Помню, на собеседовании обратил внимание на фамилию, но подумал, что однофамилец. Что же вы, молодой человек, не сказали нам о своем отце?

– Георгий у нас самостоятельный мужчина и потому всё делает сам, не прикрываясь родными, – в голосе у бабушки слышались нотки гордости.

Сославшись на занятость, я поспешил удалиться. Но вечером мы с бабушкой в разговоре вспомнили утренний инцидент.

– Бабушка, я прекрасно понимаю, что ты беспокоишься о своем маленьком внуке, но я просил вас с мамой не приходить в университет и не делать мне протекции. Неужели вы всю жизнь будете за меня хлопотать?

– Что за глупости ты говоришь, Гоги? – возмущенно прервала она. – Если ты имеешь в виду нашу утреннюю встречу, то глубоко ошибаешься насчет цели моего прихода в ректорат.

– Готов верить, но ты представляла меня Илье Ильичу.

– Конечно, я горжусь своим внуком, он у меня умный и интеллигентный юноша, в отличие от грубияна, который сейчас сидит передо мной.

– Это я грубиян? – меня накрыла волна возмущения.

– Ты, ты! Воспитанный человек, прежде всего, спросить, что сподвигло его немолодую бабушку проделать такой далекий путь, с какой целью она там была, с какими умными людьми общалась и как себя чувствует после такого вояжа. Ты, вредный мальчишка, думаешь только о себе самом. Почему ты носишься со своей особой как с писаной торбой? Кто мне ответит? Молчишь? И правильно делаешь.

– Бабуль, но ведь ты говорила с моим куратором?

– Говорила. Что из этого? Почему, мой милый, ты решил, что мы вели беседу о тебе? Запомни, если два твоих знакомых общаются, это не значит, что они обсуждают твои интересы. Это говорит о том, что у них тоже есть основание побеседовать, и у тебя с ними в дальнейшем может оказаться

много точек соприкосновения.

– Но ты меня представила как своего внука.

– Конечно. Надо было сказать, что ты мой сосед по квартире? Вот уж извини!

– Нана, что ты его мучаешь? – обратилась к бабушке мама.

– Я не мучаю. Я учу его жизни. Этот мальчишка возмнил, что весь мир вокруг него вертится, понимаете ли. Если мама или бабушка пришли в школу или в университет, то только для того, чтобы приглядывать за его персоной. Нет, мальчик мой, ты уже взрослый. Вон и усы под носом завелись, пора отвечать не только за себя, за свои поступки, но и за нас, слабых женщин.

– Успокойся, Нана! Давление поднимется, что делать будем? Мы сами его приучили к вечному контролю и не даем мальчику самостоятельно шагу ступить, – встала на мою защиту мама. – Дело в том, Гоги, что ученый совет университета принял решение опубликовать некоторые работы твоего отца и обратился к нам, его прямым родственникам, за разрешением. Вот бабушка и ходила в ректорат, чтобы выяснить, кто непосредственно будет этим заниматься, какие работы и по каким параметрам будут отобраны.

– Илье Ильичу, как сокурснику и другу твоего отца, поручено возглавить комиссию по отбору необходимого материала. Мы с мамой совсем не разбираемся в этих атомах и молекулах и прочих научных терминах, а потому решили, что ты единственный из нас, кто может принять непосредственное

участие в подборке документов. Рано или поздно все узнают, что ты сын Георгия. Правда, Тамара?

– Конечно, Нана, конечно. Гоги, бабушка очень гордится тем, что ты сам выбрал дорогу своего отца.

– А ты, мама?

– А мне немного грустно и очень страшно.

– Мамочка, не беспокойся! Я не опозорю имя отца, и обязательно буду учиться хорошо! Но я не знал, что папа окончил именно этот факультет.

– А если бы знал, выбрал другой? – строго спросила бабушка.

– Что ты, бабушка, обязательно поступил бы именно на это отделение! Мне это интересно и любопытно!

– Вот то-то. Наша порода! – Бабушка довольно хмыкнула. – Держи хачапури, ешь. Поди, погуляй. Совсем худой да бледный стал со своей учебой.

Уже меняя обувь в прихожей, я услышал продолжение разговора мамы с бабушкой.

– Тамара, я вижу, что ты места себе не находишь в последнее время? Что-то случилось?

– Случилось уже давно, Нана. Ты радуешься, что Гоги пошел по стопам отца, а у меня сердце болит, как бы с ним не случилось того же, что и с Георгием. Это направление, эта наука до добра не доведет. Тем более что Гоги уже пострадал от нее.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты помнишь, я рассказывала, что Георгия съела лейкемия? А помнишь, что Гоги зачат после приезда Георгия из командировки? Тогда мы думали, что Георгий болен воспалением легких.

– Как не помнить, этого я не забуду до конца своей жизни.

– Перед школой Гоги прошел комиссию в нашей больнице. Его детские заболевания были спровоцированы болезнью отца. Это счастье, что он остался жив. Но здоровье мальчика меня беспокоит. Специалисты не исключают последствий и влияния на наследственность.

– Ты хочешь сказать...

– Мама, может статься, что мы никогда не будем тешить детей Гоги.

– Что ты, девочка, что ты?! Помог Бог нам его выходить, поможет и с внуками.

Я выскочил на улицу, не дослушав их охов и страхов. Мне было смешно. В ту пору футбол и математика были для меня интереснее девушек.

Глава 5

В студенческие годы я жил как в тумане. Молодости всегда свойственно строить замки на песке, но ежели твои замки иногда превращаются хотя бы в маленькую лачугу, фантазия работает вдвойне и воспаленный мозг порождает новые идеи и планы. Так было и у меня.

Первые успехи, первые ответы на поставленные задачи воспламенили воображение, породили массу желаний и, соответственно, работоспособность, но в последующем ряд неудачных практических опытов быстро отрезвил и заставил думать и работать с большим напряжением. Однако не охладил пыл и желание искать и находить ответы. Музыка цифр влекла и завораживала.

Одна из работ, начатых, но не законченных отцом по вполне объективным причинам увлекла своей перспективностью. На четвертом курсе всерьез поставил себе цель довести его идею до логического конца. Концепция разработки легла в основу дипломной работы, а вся последующая работа проделана в рамках защиты диссертации. Кандидатскую степень я получил в двадцать пять, что по тем временам было редкостью.

Мои сверстники, одноклассники и сокурсники влюблялись, женились, рожали детей, разводились, а я будто и не замечал всего этого. Были какие-то одноразовые встречи, по-

целуйчики, но всё несерьезно, недолговечно. Ни с одной из тех особ заводить долговременные отношения желания не возникало, их легкая доступность не вызывала даже мысли о серьезности.

Однажды, возвращаясь поздно вечером домой, я увидел девушку, которая сидела на дальней скамейке в сквере и беззвучно плакала. Она не билась в истерике, не рыдала, она просто смотрела в какой-то дальний угол аллеи, и слезы катились и катились по ее щекам.

– Девушка, вас кто-то обидел? Что-то случилось? Я могу вам помочь?

В ответ она только отрицательно качнула головой и закрыла лицо ладонками.

– Успокойтесь и расскажите, что с вами, какое горе горькое приключилось? – я присел рядом, достал платок и подал девушке.

– Извините, – почему-то виновато попросила она прощения.

– За что? Вам плохо, и я хотел оказать посильную помощь. Вы где живете, вас проводить домой?

– Нет. Не беспокойтесь. Я доберусь сама.

Я слегка обиделся: предлагаешь помощь, а тебя прогоняют. Отошел от скамейки, сделал с десятков шагов по направлению к своему дому, который расположен буквально в сотне метров от сквера, но не удержался и вновь оглянулся на девушку. Она всё так же безучастно сидела на скамье,

и в ее позе было столько горя и отчаяния, что я не выдержал и вернулся.

– Послушайте, я не знаю, как вас зовут, и кто вы, но мне кажется, что оставаться здесь не имеет смысла. Вставайте! Вставайте, вставайте, если не хотите, чтобы я вас взял на руки, как глупенькую куклу! Сейчас мы пойдем к нам домой. Бабушка с мамой обязательно окажут необходимую помощь. Они это умеют, в отличие от меня, бумажного червяка.

Дверь открыла мама, увидела заплаканное лицо девушки, строго взглянула на меня. В ответ – пожал плечами.

– Гоги, мой руки и приготовь нам чай, пожалуйста.

Заваривая чай, я слышал обрывки разговора женщин. Спустя какое-то время мама быстро прошла в свою комнату и вернулась оттуда с медицинским чемоданчиком. Остро запахло валерианой. Наконец в кухне появились бабушка и мама.

– Гоги, где ты нашел девочку?

– В сквере, на лавочке. Она плакала. Я не мог успокоить.

– Правильно сделал, сынок, что привел ее домой. Я постелю тебе в кабинете, в твоей комнате заснула Сонечка.

Чай в этот вечер мы пили на кухне и разговаривали почти шепотом, чтобы не разбудить случайную гостью.

– Что с ней приключилось, вы скажете мне?

– У нее горе, у нее умерла мама, – грустно ответила бабушка.

– Тогда ей необходимо быть дома или сообщить домой,

что с ней всё в порядке. Ее родные беспокоятся.

– Гоги, она живет далеко, в Сибири. Тамарочка, что ты ищешь?

– Нана, а где наша старая телефонная книжка? Я хочу позвонить Егору Степановичу, он поможет достать билет на самолет для девочки.

Через третьи руки, к утру нам всё же удалось достать злополучный билет. Время вылета в десять утра, поэтому девушку мама разбудила в семь, вручила конверт с деньгами на дорогу и билеты. Там же она положила записку с нашим адресом и телефоном «на всякий пожарный случай», как объяснила бабушка. По дороге до аэропорта девушка пыталась высказать слова благодарности мне и моим женщинам, но я пресек эти поползновения.

– Сейчас не время о таких пустяках думать. Вернетесь в Москву – ждем в гости, вот тогда всё скажете маме и бабушке. А я здесь ни при чем, это они у меня такие заботливые.

Сонечка позвонила через неделю. Мы с мамой были на работе, поэтому разговор состоялся с бабушкой.

– Слышимость отвратительная. Девочка в ужасном состоянии. Видимо, простыла, голос у нее хриплый, и она периодически кашляет. Но молодец, держится. Сказала, что чувствует себя хорошо. Вернется после сорока дней.

– Через полтора месяца? Гоги, когда вы по дороге в аэропорт заезжали в общежитие, девочка написала какое-нибудь

заявление в ректорат?

– Мама, когда ей было писать заявления?

– А ты где был? Ты взрослый мужчина, мог побеспокоиться, – накинулась на меня бабушка.

– Помилуйте, о чем мне необходимо было побеспокоиться?

– Как о чем? Девочка уехала. Никого не предупредила. Ее могут отчислить за непосещение занятий. Неужели непонятно?

– Боже мой, Нана! Да откуда мальчику всё это знать. Он никогда с этим не сталкивался.

– Не спорь, Тамара! Мальчик уже давно стал мужчиной и обязан нести ответственность за человека, который ему доверился. А значит, он обязан всё продумать и предусмотреть!

– Опять вы решили поучать своего малыша. Скажите, что необходимо сделать, и я выполню любые ваши указания.

– Вот, вот видишь, Тамара! Сам он думать не умеет. Ему нужно, чтобы женщины им руководили! У него в голове одни только цифры и формулы! А пора бы уже и семью заводить, и о детях думать!

– Что-что заводить? И о ком думать? – удивился я такому повороту беседы.

– Семью, Георгий, семью пора заводить! – сдвинув очки на кончик носа, строго сказала бабушка.

– Бабуля, милая, заводят поросят, птиц, на крайний слу-

чай тараканов. А семью создают!

– Ишь ты, какой умный! Вот и создай семью, и породи нам с мамой внуков! Хоть умереть спокойно можно будет, подержав на руках наследника, внуку или внука.

– Создай, создай! А с кем ее создавать?

– Вы посмотрите на него! Мы с мамой должны тебе еще и невесту искать? Вокруг столько хорошеньких девушек, а он ничего кроме своей науки не знает и не замечает! – ещё больше возмутилась бабуля. – А чем тебе Сонечка плоха? Посмотри, какая трогательная и нежная девочка! Конечно, если ты будешь Чурбан Чурбановичем, ни одна девушка на тебя не посмотрит! Дождешься тогда от тебя наследников! Жди!

– Сынок, – поспешила мне на помощь мама, – ты завтра поезжай к Сонечке в институт, поговори в ректорате, напиши за нее заявление с указанием причин отсутствия.

– Но я не знаю, в каком институте она учится.

– Как это ты не знаешь? – опять вмешалась в разговор бабушка, всё еще не остывшая от спора. – А общежитие где находится? Или совсем запамятовал дорогу?

– Бабуль, не ругайся, пожалуйста. Когда ты начинаешь громко говорить, я совсем разум теряю. Завтра же поеду в общежитие и узнаю всё. Обещаю: всё, что смогу, сделаю.

– Вот так сразу надо было поступать. Совсем мальчишка! Пока не надоумишь, не сделает. – Бабушка гордо удалилась в свою комнату.

– Мам, чего это она на меня так осерчала?

– Беспокойся она, сынок. Твои сверстники уже детей нянчат, а ты всё холостой, и девушки у тебя даже нет. Как-то ты не замечаешь сверстниц.

– Я и не думал об этом. Некогда мне...

– Я давно хотела с тобой, Гоги, поговорить, но я женщина, и мне неудобно поднимать эту тему.

– Мама, какую тему?

– О твоём здоровье.

– Фу-ты ну-ты! Да здоров я, мама, здоров!

На следующий день я узнал, что Сонечка учится в литературном институте. В ректорате девушку хорошо знали и отзывались только положительно. Она училась на четвертом курсе и подавала большие надежды как лингвист. У нее, оказывается, уже были опубликованы работы, которые мне любезно порекомендовали прочитать, что я и сделал. По дороге домой заехал в библиотеку, отобрал нужный материал, с которым явился пред очи своих строгих женщин.

За вечерним чаем рассказал обо всем и показал материалы, написанные Сонечкой.

– Вот теперь молодец. Всё сделал по уму. А Сонечка, ты только посмотри, какая! Не только красавица, но еще и умница! – похвалила бабушка.

Глава 6

Так получилось, что через пару недель после этих событий мне пришлось уехать в длительную командировку на Север, где шли работы по новым установкам. Домой звонил по возможности часто, чтобы не беспокоить маму и бабушку, которая в последнее время чувствовала себя не очень хорошо, – сказывался возраст. Письма шли долго, а телефон очень удобное изобретение: можно не только сообщить что-то, но и услышать родной голос.

Однажды на мой звонок ответил молодой приятный женский голос. Это ничуть не удивило, так как наш дом отличался гостеприимством. Родственники, друзья, друзья друзей, проездом оказавшиеся в Москве, находили приют и чашку горячего чая, заботливо приготовленного бабушкой.

– Здравствуйте. Квартира Сванидзе. Вас слушают.

– Добрый вечер. Простите, а кто со мной говорит? И где бабушка?

– Ой, Георгий, это вы? – обрадовался голосок в трубке. – Это Соня. Вы, наверно, забыли меня. Тамара Аслановна задерживается на работе, должна с минуты на минуту подойти, а бабушка с Давид Отаровичем в театре на премьере. Им что-нибудь передать?

– Нет, Сонечка, я вас не забыл, – успокоил я девушку. – Хорошо, что вы в Москву вернулись. Как дела в институте

обстоят?

- В институте всё хорошо. Спасибо за внимание.
- Это пустяк, не стоит благодарности.
- Ваша семья так много для меня сделала.
- Сонечка, мне, право слово, неудобно. Если и дальше будете в таком извинительном тоне говорить, я положу трубку.
- Ой, нет-нет. Погодите, кажется, Тамара Аслановна пришла.

К телефону подошла мама. Оказалось, что они с бабушкой пригласили Сонечку погостить у нас до моего приезда, так как нельзя девочке после такого стресса оставаться один на один со своим горем.

С этого времени, когда я звонил домой, часто к телефону подходила девушка. Когда мамы и бабушки не было дома, она мне передавала домашние новости, расспрашивала о моей работе. Постепенно наши разговоры становились более продолжительными и личностными. Я стал звонить домой чаще в надежде услышать милый голосок. Порой девушка задавала такие вопросы, на которые сразу не находилось ответа, и приходилось искать информацию в справочниках, перелистывать литературу, чтобы к следующему сеансу связи вразумительно вести беседу.

В Москву я приехал к весеннему празднику 8 Марта. Возвращаться домой после долгого отсутствия для меня всегда счастье! Пройти пешком по знакомым улицам, всматриваясь

в их новизну, вспоминая прошлое, что может быть приятнее для сердца москвича! Вот повесили новый плакат, а у гастронома обновили витрину! Я ускорял шаг. По мере приближения к дому сердце сильнее колотиться и теплый комок подступает к горлу. В подъезде я уже не могу идти спокойно, практически бегу на свой этаж, перешагивая через две ступеньки. Звонок, мгновение – распахивается дверь! И знакомый запах родного дома, и дорогие сердцу голоса, и ощущение уюта, постоянства, защищенности!

В этот приезд мой шаг и мое сердцебиение ускорялись еще и от предчувствия встречи с девушкой. Однако мне не повезло. За день до моего возвращения Соня уехала на практику в Братск. В одном из телефонных разговоров она мне сказала об этом, но я не придавал значения, почему-то думал, что девушка будет оттачивать свое мастерство лингвиста в Москве.

Отсутствие Сони расстроило, но аккуратно уложенная стопка книг на полке, цветная закладка или яркая открытка, заложенная между страниц книги, приятно пахнущий беленький носовой платочек – всё вызывало в моем сердце трепет и волнение, возбуждало фантазию, порождало надежду.

Наши телефонные разговоры возобновились. Мама с бабушкой заприметили мои ранние возвращения с работы и особое внимание к телефонным звонкам, но делали вид, что ничего не происходит. Лишь однажды, когда звонок раздался после полуночи и мы проговорили довольно-таки дли-

тельное время, мама утром обронила:

– Гоги, разница во времени пять часов, ты это знаешь? И девочка еще студентка, не забывай.

Намек я понял и в тот же день на имя Сонечки отправил телеграфным переводом деньги, завуалировав этот поступок просьбой посмотреть в магазинах книгу, автора и название которой придумал сам, заранее зная, что такого издания нет. Какой же я был глупый. Вы представляете, девочка обошла и объехала все магазины города в поисках того, чего не существовало. Чужие деньги она, конечно, не тратила и по возвращению в Москву тут же передала их бабуле, так как я в это время вновь уехал в командировку.

У нас появилась традиция: при отъезде делать друг другу маленькие сюрпризы. Я подкладывал ей в укромные места сладости, сувениры, а она мне – интересную литературу или что-то из письменных принадлежностей.

Сколько времени продолжалось бы наше общение по телефону, неизвестно, если бы не прозорливость бабушки. Когда я в очередной раз вернулся из командировки и не встретил Сонечку, бабушка, как всегда издалека, провела со мной поучительную беседу.

– Гоги, у тебя когда-нибудь будет нормальный человеческий отпуск? И куда смотрит профсоюз: человек уже три года не может отдохнуть! Придется мне написать жалобу в нужные инстанции.

– Нана, дорогая, отпуск мне предоставляют всегда и свое-

временно. Но я не привык лежать на боку и плевать в потолок! Мне нравится работать. А в прошедшее лето, вспомни, на две недели ездил к Давиду, и мы славно отдохнули. Неужели ты забыла?

– Точно, в прошлом году ты немного отдохнул. И даже успел загореть! Какой ты тогда вернулся красивый. Но прошел год, пора в новый отпуск идти.

– Зачем он мне. Я думал об этом, но теперь отпала такая необходимость. Хотя твой любимый профсоюз гонит принудительно отдыхать.

– Гонит, значит. И когда?

– Да хоть завтра.

– Мальчик мой, так ты и иди завтра.

– Вот тебе раз. Я же говорю: что мне делать в отпуске?

– А ты когда был последний раз в Ленинграде?

– В Ленинграде? – Я попытался вспомнить это событие. – Кажется, когда еще в школе учился. Нас возили на каникулах. Бабуль, ты тогда ездила с нашим классом как сопровождающий.

– Вот именно. Это было так давно! Я не помню, что мы смотрели, какие места посещали. Почему бы тебе не взять отпуск, не поехать в Питер? Погуляешь по музеям, походишь в театры.

– И что я там буду делать один?

– Нана, куда ты его отправляешь? – поинтересовалась мама, которая только что пришла с работы.

– В Ленинград отправляю, в отпуск.

– Это очень хорошо. Поезжай, сынок. Заодно и для Сонечки отвезешь кое-какие вещи.

– Соня уехала в Ленинград?

– Да, и надолго, месяца на полтора.

– Уговорили! – сделал я вид, что мне совершенно безразлично, что в рай, что в ад. – Завтра напишу заявление на отпуск. Готовьте своей любимице передачу и не забудьте адрес указать. Ленинград большой, где я буду ее искать.

– Вы посмотрите на него, – вдруг взвилась бабушка. – Сам девчонке по телефону голову морочит каждый вечер, а как отвезти передачу, так сразу же взад пятки!

– Действительно, – поддержала бабушку мама. – Тебе что, тяжело девочке отвезти необходимые вещи?

– Отвезу я, отвезу! Что вы на меня накиннулись!

Я быстренько ретировался от возмущенных женщин в свою комнату, где мог спокойно проанализировать ситуацию.

На следующий день мне выдали приказ об отпуске, и спустя три дня я слушал веселый перестук колес в поезде Москва – Ленинград. С Соней мы накануне вечером по телефону договорились, что встретимся на вокзале. Настроение было великолепное! Наконец-то я увижу ту, чей голос мне снится.

Глава 7

Поезд в Ленинград приходил рано утром. Подъезжая к станции Колпино и любуясь предрассветной дымкой, окутывающей пригороды Ленинграда, вдруг вспомнил, что метро начинает свою работу в шесть часов утра, а поезд прибывает в пять. Меня прошиб холодный пот: как девушка с Васильевского доберется до Московского вокзала в такую рань? Действительно, бабушка права, со своей наукой я всё на свете забыл. Но, может быть, у нее хватит благоразумия не ехать ночью, а дожидаться утра. Однако она встретила меня на перроне.

– Сонечка, вы совсем замерзли! Что же вы здесь стоите? – Я бросил сумки и прижал к лицу озябшие руки девушки.

– Не беспокойтесь. Я сидела в зале и вышла, когда объявили прибытие.

– Господи, это я олух. Совсем не подумал о расписании, и вам пришлось ждать. Как вы добирались до вокзала?

Вот так, охая и причитая, мы успокаивали друг друга: она меня, чтобы не расстраивался и не беспокоился, я – ее, сожалея и согревая. Окрик носильщика вернул нас к действительности.

Практически весь день мы провели вместе. Сонечка сбегала в редакцию, сдала какую-то статью, в то время как я приводил себя в порядок после поезда. Затем мы поеха-

ли на Обуховку брать интервью у какого-то передовика производства, который усовершенствовал станок и после этого выполнил тройной норматив выработки.

Мне было очень интересно впервые наблюдать за работой журналиста еще и потому, что этот журналист – Сонечка. Я смотрел, как работала девушка, и невольно любовался ею. Вот она, наклонив головку, быстро пишет в своем маленьком блокнотике; вот она, нахмутив бровки, строго смотрит на оператора, что-то жестами объясняющего ей, не соглашается, сама расставляет микрофоны; вот она, улыбаясь, подбадривает смущающегося молоденького паренька, который впервые видит и журналиста, и оператора, да и микрофон для него в диковинку. Подготовительная работа заняла больше времени, нежели само интервью. Когда всё действие закончилось, и Сонечка аккуратно уложила в коробочку свой микрофон, а оператор собрал всю систему в кофры, нас пригласили в кабинет директор завода.

– Софья Антоновна, когда вы нам позволите просмотреть сюжет выпуска? – уважительно обратился он к девушке.

– Дополнительного прогона не будет, так как вся речь и весь процесс с дирекцией были согласованы заранее, поэтому интервью можно будет увидеть завтра в последнем выпуске городских новостей. Я думаю, что всё пройдет отлично.

– От лица наших сотрудников... – начал было свою тронную речь директор, но Сонечка быстро его остановила.

– Наша редакция благодарит вас, Иван Иванович, за инициативу и хорошую работу по внедрению новых технологий в производство. Перед выступлением вашего рабочего мы непременно вкратце расскажем и о заводе, и о заводском коллективе, и о вашем лично вкладе в дело воспитания кадров.

– Я еще раз благодарю вас, Софья Антоновна. Приезжайте к нам. Мы всегда готовы поделиться нашими новыми достижениями. И вы, товарищи, тоже приезжайте, рады видеть вас в нашем коллективе, – почему-то пожал он руки оператору и мне.

Мы с Соней потом, сидя в кафе, долго смеялись над этим эпизодом. В тот день мы с ней смеялись много и по всякому пустяку. Я, пожалуй, не припомню такого смешливого дня в своей жизни. А день выдался замечательный! Солнце расщедрилось и посылало нам свои поцелуи, возбуждая и настраивая на лирический лад. Даже легкие белые облачка, проплывающие по синему небу, обходили его стороной. Мы бродили по улицам, наслаждаясь теплом, светом и молодостью. В какой-то кулинарии купили пирожки, уже не припомню с какой начинкой, но нам они показались самыми вкусными на свете. Потом отыскиали тихий уютный сквер, устроились на лавочке, с удовольствием ели эти пирожки, запивая газировкой, и кормили голубей, стаяй слетевшихся к нашим ногам. В какой-то момент я подумал: «Видела бы нас сейчас бабушка, точно устроила выволочку за то, что

я не отвел девочку в приличное место пообедать!» Но нам было хорошо и здесь, в сквере, где мы долго сидели и говорили, говорили, говорили. О граде Петровом, о поэзии, о Пушкине, о Кеплере, о Сахарове.

В общежитие вернулись почти к закрытию. Еще днем я договорился с администратором, и на вахте нам торжественно выдали раскладушку. Как потом оказалось, это ложе было рваным и в нерабочем состоянии. Мы с Сонечкой долго хохотали, пытаясь ее поставить. В результате я улегся на полу, успокоив девушку, что очень полезно и удобно спать на жестком: никуда не скачусь и не упаду. Устроившись на ночь, мы еще долго не могли уснуть и перебрасывались фразами, лежа в разных углах комнаты.

Утром, когда проснулся, Сонечки в комнате уже не было. Ее кровать тщательно убрана, а на столе – красиво уложенные бутерброды, прикрытые белой салфеткой, и записка, в которой она сообщала, что освободится лишь к четырем часам, и если у меня есть желание, то готова встретиться у входа в редакцию. Естественно, желание у меня было огромное! Чтобы не терять время зря, отправился в театральные кассы в надежде купить билеты и выполнить волю бабушки: сводить девочку «в приличное общество». Мне повезло, я достал два места в Михайловский театр на «Баядерку». Правда, места расположены в разных углах зала, но по тем временам это было не существенно. По дороге зашел на телеграф и позвонил домой.

Бабушка долго расспрашивала о Сонечке, о моем впечатлении, о погоде, о том, где я остановился. Пришлось рассказать, что пока нахожусь у Сони. Бабулю мою чуть удар не хватил. Я просто почувствовал, как она там, на другом конце провода, задохнулась от возмущения.

– Гоги, ты сумасшедший! Что ты, безголовый, делаешь, а? – У бабушки еще резче проявился грузинский акцент, что свидетельствовало о страшном гневе. – Ты зачем девочку позоришь? Ты ночуешь у Сонечки, что люди подумают, а?

– Что подумают, что подумают... Мне какое дело, что скажет графиня Марья Ивановна.

– Какая такая Мария Ивановна?

– Да это я так, Чацкого вспомнил.

– Кого ты там вспомнил, безголовый мальчишка! Сейчас же найди себе комнату и съезжай от девочки! Не позорь ее, она умница и очень хороший, воспитанный человек!

– Да знаю я, знаю, что она умница. Я, может, жениться на ней хочу, – вдруг неожиданно для себя выдал я бабушке новость.

– Гоги, ты что сказал?

– То и сказал, женюсь я на ней, она моя невеста!

– Гоги, что ты там наделал, а? Ты девочку не обидел?

– Бабушка, успокойся! Разве не ты меня воспитала честным человеком? Не обидел я Сонечку, не обидел! – вдруг вспыхнул я, поняв, на что намекает моя заботливая бабуля. – Я даже пальцем к ней не притронулся.

– Вай, мой мальчик, прости старую. Ты береги ее, она очень хорошая и достойная девушка. А ты серьезно принял решение?

– Конечно, серьезно.

– Вай, как мама обрадуется! Но ты всё же съезжай от нее. Сними комнату и встречайтесь с ней в театре, в музее.

– Хорошо, Нана! Я так и сделаю.

Однако никуда я не ушел. Полторы недели мы с Сонечкой по-братски на двоих делили ее скромную комнату в общежитии.

По утрам я теперь просыпался с первым шорохом девушки, отвернувшись к стенке, делал вид, что крепко сплю, слушал и представлял мысленно, что она в сию минуту делает. Как только за ней закрывалась дверь, вскакивал, слегка разминал затекшие мышцы. До обеда обычно занимался мелкими бытовыми делами: легкая уборка комнаты, приведение в порядок личных вещей и приготовление обеда. Каждый день старался приготовить что-нибудь вкусное и необычное. Мне очень нравилось, когда ее огромные голубые глаза становились синими и в их глубине появлялся необычный свет. Такая, знаете ли, бесовская искорка! Во время обеда Сонечка рассказывала о своих делах, о том, что у нее произошло в редакции, на какие темы и с кем она проводила репортажи, что нового выйдет в ближайшее время в журнале. Меня поражало разнообразие ее знаний, кругозор и независимость суждений. Ближе к вечеру мы отправлялись гулять по горо-

ду. Наши прогулки обязательно включали посещение театров, музеев, выставок. Билеты я старался купить еще днем, а порой и Сонечка что-то доставала.

Во время наших прогулок мы заходили на переговорный пункт и звонили домой. Каждый раз, когда Сонечка разговаривала, особенно с бабушкой, сердце мое катилось куда-то вниз. Я боялся, что Нана со своей прямолинейностью спросит, ушел ли ее непослушный внук на квартиру, как она советовала, или хуже того, сделал ли официальное предложение. Но по неизвестным мне причинам бабуля больше речь об этом не заводила. И лишь мама однажды спросила, ответила ли согласиём Соня. Пришлось сознаться, что девушка об этом намерении не знает.

А оно укреплялось с каждым днем нашего общения, но вместе с тем и решительность сказать о моих чувствах девушке куда-то исчезла. Несколько раз пытался завести разговор о нашем будущем, но каждая попытка сводилась к общепринятым напыщенным фразам. В одну из прогулок по городу я упросил Сонечку зайти в ювелирный магазин и под предлогом выбора подарка маме узнал размер ее пальчика. На следующий день вернулся в этот же магазин.

– Добрый день, молодой человек! – обрадовалась девушка, которая накануне внимательно и вежливо нас обслуживала. – Вы все-таки решили купить для мамы подарок?

– Нет. Я хотел бы купить кольцо для той девушки, что вчера была со мной.

– Прекрасное намерение. Это будет просто подарок или по случаю?

– Понимаете, я хотел бы сделать ей предложение.

– Официальное предложение руки и сердца?

– Да, именно так. Что вы посоветуете, я в этом совершенно не разбираюсь.

Девушка подобрала милое колечко, вполне подходящее для обручения, и упаковала его в красивую коробочку, которую я спрятал в нагрудный карман, решив при удобном случае непременно вручить Сонечке.

Дни, проведенные вместе, пролетели быстро и незаметно. Вернее, я не заметил и совсем забыл о дате отъезда, но в один из дней Сонечка в своей утренней записке написала: «Георгий, не планируйте на сегодня никаких посещений. Вернись пораньше, и мы пойдем покупать подарки Нане и Тамаре Аслановне».

В день отъезда я с утра сбегал на ближайший рынок и купил красивый букет. Шел по улице с цветами и продумывал, как войду, встану на одно колено, торжественно произнесу: «Соня, будьте моей единственной богиней отныне и до конца жизни!» Эту фразу сотни раз переделывал, передумывал и придумал другую: «Соня, я вручаю вам не только мое сердце, но и мою жизнь!» Однако мои волнения были напрасны. Когда я пришел, девушки в комнате не было. На столе красовалась записка: «Георгий, прошу прощения, мне срочно необходимо отъехать в редакцию. Встретимся в 12—00. Со-

ня». В три поезд даст прощальный гудок! Куда умчалось мое сокровище?!

Чтобы как-то отвлечься, тщательно убрался в комнате, приготовил Сонечке на ближайшие дни обед. В оставшиеся минуты решил написать письмо на случай, если она не успеет вернуться вовремя. Достал чистые листы и вывел на первом: «Дорогая Соня!» Нет. Получилось как-то официально. Скомканный лист полетел в корзину. На следующем листе написал: «Милая Сонечка!» Нет. Она может обидеться. Вновь листок полетел в корзину. Как в старом фильме, листы выбрасывались один за другим, а я так и не нашел фразы, с которой можно было бы начать послание. Мое мучение прервала сама девушка: она, взволнованная, ворвалась в комнату в распахнутом плаще, с болтающимся шарфом.

– Как хорошо, что вы еще здесь! Я так боялась, что вы уже ушли, и мы не увидимся перед отъездом. Ой, какой красивый букет! Это для Наны и Тамары Аслановны купили? Чудо как хорош! Я сейчас его упакую!

– Остановитесь, Сонечка! Эти цветы вам!

– Мне? Что вы, Георгий, зачем?

– Вы такая славная и так много для меня значите...

– Перестаньте, перестаньте! Я прошу вас, не надо. Я заехала в буфет, помните, где мы в первый день покупали пирожки, которые нам очень понравились. Купила их в дорогу, к чаю. Чай возьмете у проводника. А сейчас я что-нибудь приготовлю для перекуса перед дорогой. Моя мама говори-

ла, в дорогу человек должен выходить из дома сытым. — Девушка захлопотала вокруг стола.

— Сонечка, остановитесь. Я тут похозяйничал немного.

— Ой, Георгий, что вы будете думать обо мне. Совсем хозяйственная и безрукая девчонка! Всё время вы готовили, а я наслаждалась вашим искусством кулинара.

— Но вам, Сонечка, были заняты. Ваша работа не позволяла расслабиться и заниматься кулинарией. Я и так принес много неудобства в ваш быт.

— Ах, оставьте!

Мы перекусили и отправились на вокзал. Заветная коробочка лежала у меня в нагрудном кармане, но как ее вручить девушке? Глупая мысль, что уеду, так и не сказав главного, мучила и не давала сосредоточиться. Уже объявили об отправлении поезда, когда, глубоко вдохнув и выдохнув воздух, я протянул девушке заветный подарок и, заикаясь, почему-то очень громко и с сильнейшим грузинским акцентом произнес:

— Сонечка, я вас люблю, будьте моей женой навеки! — Не дожидаясь ответа, поцеловал девушку в губы.

— Пассажир, пассажир, скорее, отстанете! — закричала проводница.

Я бросился к своему вагону, который медленно поплыл вдоль перрона. Уже на подножке оглянулся назад. Сонечка шла по перрону вслед за набирающим скорость поездом, прижимая к груди руку, в которую я вложил заветную коро-

бочку.

Глава 8

Всю ночь я метался, не находя себе места: что решила Сонечка, как она восприняла мое объяснение – эти вопросы мучили, жгли неизвестностью.

Утром, обессиленный волнениями, решил: что будет, то будет.

Едва переступил порог, как моя чуткая бабуля тут же заметила перемены.

– Гоги, что случилось, дорогой? На тебе лица нет.

– А... – я махнул рукой. – Соня не звонила?

– Нет. С ней что-то случилось?

– Нет-нет! Она меня вчера провожала на вокзале вполне здоровая и веселая.

– Тогда объясни, что с тобой? Ты заболел?

– Смертельно, моя дорогая Нана, смертельно! Я влюбился!

– Ты дуралей, Гоги. Разве можно так пугать? У меня сердце сейчас из груди выскочит.

– Согласен, Нана, полностью согласен с твоей характеристикой.

– Ты хотя бы с девочкой объяснился, шалопай?

– Ага, вчера. За пять минут до отхода поезда! И даже поцеловал ее!

Вдруг я ощутил этот поцелуй, ее теплые губы, ее дыхание!

Радость и смущение залили мое лицо краской.

– Поцеловал? – ахнула бабушка. – И она не вlepила тебе пощечины?

– Не-а. У нее времени не было. Поезд тронулся, и я побегал за вагоном!

– Э, дорогой, она и не желала тебе физиономию бить. Для пощечин возмущенной девушки всегда есть и место, и время. Запомни!

– Ты хочешь сказать, что она согласна?

– С чем согласна, дорогой?

– С чем, с чем? Стать моей женой согласна.

– А ты ей сделал предложение?

– Конечно же! Я тебе рассказываю. Я ей подарил кольцо, сделал предложение и поцеловал.

– И она тебе не ответила?

– Нет, она не успела. Я говорю, поезд поехал, а я бросился догонять.

– А раньше ты не мог этого сделать?

– Не мог. Не решался.

– Какое же ты дитя еще, мой мальчик! Я думаю, она согласна. Мне почему-то так кажется.

Несколько успокоенный бабушкой, я ушел в свой кабинет и с удовольствием занялся так надолго отставленной работой. Вначале мысли путались, и пришлось приложить немало усилий, чтобы после столь долгого отсутствия и отдыха вновь их собрать в единое целое и пустить в нужном направ-

лении.

В командировке мне попались на глаза интересные статьи Черенкова и Вавилова об использовании бета-лучей, представляющих собой поток быстрых электронов и обладающих при облучении одним и тем же световым эффектом. Черенковские «поющие электроны» и раньше были мне интересны, а теперь, имея за спиной кое-какой свой собственный практический опыт, очень хотелось разобраться в механизме преобразования движения электронов в движение фотонов необычного свечения. Сила потока, угол отклонения, скорость движения потока волновали воображение, вызывая массу вопросов.

Нет, я не оспаривал открытия этих ученых. Я пытался сам разобраться и найти наибольший спектр применения на практике. Именно практическая сторона того или иного воздействия и работы атома, эффекты коррелированного туннелирования электронов в различных структурах будоражили мое воображение. Где-то там внутри я чувствовал дальнейшее развитие этой темы и огромное значение этих открытий. Забегая вперед, скажу, что моя интуиция не подвела, и сейчас ведутся активнейшие разработки изготовления тепловыделяющих элементов для атомных реакторов нового типа на основе научных разработок Черенкова в содружестве с Вавиловым.

От этих глубоких умствований меня отвлекли крики бабушки.

– Вай, Гоги! Это что такое? – Прямо передо мной возник пакетик с пирожками, про которые я совершенно забыл.

– Это пирожки. Мне их Сонечка купила в дорогу. Мы их ели в первый день моего приезда. Очень даже вкусные.

– Вместе с Сонечкой? Ели в первый день?

– Бабушка, о чем ты говоришь! Сонечка вчера специально заехала в кулинарию и купила их горяченькими мне в дорогу. Это, конечно, не твое произведение искусства, но мы их ели вместе с Сонечкой, и, как видишь, твой внук до сих пор жив и здоров.

– Тогда другое дело. Тогда всё понятно. А ты в дороге их не ел?

– Да забыл я про всё, после того как с Сонечкой переговорил.

– Значит, забыл? Девочка старалась, а ты забыл? Ну и нахал, я тебе скажу. Пошли чай пить... с пирожками.

Едва мы с бабушкой устроились за столом, как пришла с работы мама. И вновь пошли расспросы о поездке в Ленинград. Пришлось подробно рассказывать, как мы встретились с Сонечкой, по каким бульварам и скверам гуляли, какие выставки посещали, на какие спектакли ходили и каково наше мнение о том или ином театре, спектакле или событии.

В своем рассказе я уже почти подошел к завершающему дню, как вдруг раздался телефонный звонок. Мы все на минуту замерли. Первой к телефону потянулась бабушка.

– Добрый вечер, дорогая! – По радостному голосу Наны

я понял, что звонит Сонечка. Сердце ухнуло и пропустило удар. Я почувствовал, как в груди всё застыло и напряглось. — А мы сейчас пьем чай, — мама жестом остановила бабулю, указав на пирожки, в ответ бабуля пожала плечами: сами понимаем. — И Гоги нам рассказывает о своей поездке.

Не знаю, какая сила подбросила меня, но через мгновение я уже отобрал трубку у Наны.

— Сонечка, это я. Сонечка, ты, вы... Сонечка, ты согласна выйти за меня замуж? — вначале запнувшись, а потом решительно и громко гаркнул я в трубку.

— Да, — едва слышно пролепетала трубка в ответ.

— Она согласна! Она согласилась! — заорал я что есть мочи. Радость переполняла меня. Я не мог ни говорить, ни думать о чем-либо другом, кроме как об услышанном. — Она согласна!

— Отдай трубку, сумасшедший! Сонечка, девочка, не пугайся, этот полоумный пляшет джигу. Мы с Наной очень рады. Мы давно приняли тебя всем сердцем в свою семью, а теперь просто счастливы.

Мама еще что-то говорила, но я не слушал, у меня было одно желание — вновь услышать это тихое, скромное «да», которое сделало меня счастливым на всю жизнь! Что бы ни случилось, и как бы ни сложилась наша жизнь, я буду до последнего вздоха благодарить мою девочку за короткое слово, сделавшее меня самым счастливым человеком на планете!

После того как все немного успокоились, мама с бабушкой получили полный отчет: как и в какой форме было сделано предложение, какое колечко купил, на какой пальчик надел (ах, надо было надеть непременно!). Мы стали обсуждать, когда и как провести все необходимые свадебные церемонии. Дело в том, что в нашей семье строго соблюдались основные обычаи рода. Я знал, что бабушка не позволит что-либо нарушить. Традиции есть традиции. Всё будет проходить под ее строгим контролем. Но для меня это сейчас не имело большого значения.

Каждый вечер я с нетерпением ждал звонка из Ленинграда. Специально, чтобы первым брать трубку, проложил провод себе в кабинет и поставил параллельный аппарат. Тем для разговоров у нас за время моего присутствия в Ленинграде прибавилось, а если учесть еще и тот любовный лепет, который свойственен молодым влюбленным парам, то телефонные свидания порой затягивались на часы. Мама и бабушка не мешали, а лишь снисходительно улыбались.

Мой любовный жар и лихорадка не остались незамеченными дружным рабочим коллективом.

– Георгий, ты чего такой? Станный. Вроде не пьян. Влюбился, что ли? – удивлялись друзья.

– Влюбился! Влюбился по уши, под самую маковку, ребята!

– Наконец-то! Может, и женишься?

– Женюсь, ребята! Обязательно женюсь!

И друзья улыбались. И весь мир искрился радугой и светом! Какое счастье любить и быть любимым! Кто сказал, что любовь делает людей глупыми? Не верьте! Ощущение счастья рождало новые идеи, новые планы. Задачи, разгадать которые пытался годами, вдруг легко поддались решению, открылись, как ларчик с тайным замочком, при одном только слове.

Глава 9

На одном из рабочих совещаний нам сообщили, что прибор, над которым отдел ломал голову не один год, принят в опытную эксплуатацию. Необходимо собрать команду от лаборатории для проведения испытаний на полигоне в далеких казахских степях. С одной стороны, это было очень интересно и необходимо для дальнейших разработок, над которыми работала лаборатория, а с другой стороны, огорчительно, что опять предстоит разлука с любимой. И судя по объемам необходимых изысканий, мое отсутствие затянется не на один месяц.

Наша работа была и так сопряжена с секретностью, а эта командировка носила строгий совсекретный характер. Всю отобранную команду не один раз проверили соответствующие службы. Нас собирали группой и поодиночке, проводили с нами соответствующие беседы и брали подписку о неразглашении государственной тайны. Зачем это делалось, до сих пор не ясно.

Каждый из нас знал и осознавал всю меру ответственности за то, что мы создаем, и что идет в осуществление. В ту пору мы прекрасно понимали и силу созидания атома, и его разрушающую мощь. Конечно, работая на оборонную промышленность, все свято верили, что наши идеи, наши чаяния и наш труд укрепляют именно оборонительный щит Ро-

дины. Мы не работали на оружие войны, мы укрепляли защиту всего того, что нам свято и дорого.

Пред командировочная пора всегда сопряжена повышенной суетливостью и нервным напряжением. На мне, как руководителе, лежала двойная задача: предусмотреть и обеспечить коллектив всем необходимым для полноценного рабочего цикла, заказать и выбить поставку соответствующих приборов, разработать и полностью согласовать всевозможные графики, планы работ. Одновременно необходимо было распределить кадровый состав лаборатории так, чтобы работы не прекращались в головном предприятии и в то же время дали максимальный эффект на выездных циклах. Всё это требовало не только времени, но и постоянной сосредоточенности. Говорят, хороший руководитель всегда обладает особым чутьем на ситуацию, что позволяет ему предусмотреть и своевременно принять меры для положительного решения той или иной возникающей ситуации. Может быть, это и верное суждение, не знаю.

В тот раз всё с самого начала подготовки к поездке пошло наперекосяк. Всё мое нутро болело, и где-то там, в районе солнечного сплетения, поселился холодок, а при каждой свободной минуте мозг сверлила мысль найти повод и отказаться, отказаться от поездки. Но долг и осознание «а кто же, если не я» не позволяли этого сделать. И я продолжал бегать по кабинетам, согласовывать, выбивать, собирать, утрясать, в общем, готовиться к «великим свершениям», как сказал

один из наших сотрудников Боря М., у которого недавно родился сын, и он готов был весь мир поставить на уши от избытка чувств. Этого сотрудника, повинаясь какому-то интуитивному порыву, вдруг на последнем этапе подготовки я заменил, что, как выяснилось впоследствии, спасло ему жизнь.

После дневной рабочей карусели возвращался домой разбитый и усталый, но, нажимая на звонок у входной двери, молил Бога, чтобы дверь открыла Сонечка, а увидев ее сияние, как майское небо, глаза, ее стройную фигурку, почти физически ощущал, как все мои тревоги улечивались, испарялись, и радость наполняла с ног до головы. С ее появлением в моей жизни мир приобрел новые краски, звуки, запахи, и что-то еще, чему невозможно дать объяснения, но это что-то стало смыслом жизни. Я где-то читал, что все влюбленные немного сумасшедшие. Вот и я стал одним из них. И, представляете, в отношении жены до сих пор таковым остаюсь. Я могу анализировать это состояние души, но как ученый не в состоянии дать ему никакого объяснения. Мое сумасшествие вылилось в страх. Я до ужаса, до боли в сердце боялся потерять эту девушку. Она была необходима как воздух и дорога, как самая драгоценная реликвия в мире.

На семейном совете было принято единогласное решение не отпускать Сонечку в общежитие. Когда в телефонном разговоре я сообщил ей об этом, девушка попыталась отказаться от такой идеи. Но бабушка объявила, что теперь она член нашей семьи, а ни по каким общежитиям никто из рода Сва-

нидзе не жил и жить не будет.

В моей комнате к приезду Сонечки мы совместными усилиями сделали косметический ремонт: переклеили обои, покрасили пол и окно. Бабушка сшила «веселенькие» занавески, а я развесил по стенам красивые эстампы с сибирскими видами. Комната из холостяцкой конуры превратилась в веселую девичью светелку.

Наша свадьба должна была состояться после рождественских праздников. У женщин появились свои секреты и новые хлопоты, поэтому мало кто из них обращал внимание на мое настроение. В день отъезда, перед выходом на вокзал, бабушка поцеловала меня в лоб и осенила крестом.

– Береги себя, дорогой. Помни, мы ждем тебя. Возвращайся живым и здоровым. Помни!

От ее слов у меня ком встал в горле. Никогда она так не говорила.

Глава 10

Везли нас под зеленый свет, практически без остановок, и уже через пару суток, поздно ночью, мы оказались на маленьком разъездном полустанке. До утра состав стоял на запасном пути, а едва рассвело, приехали представители института. Пересели на машины, поехали в военный городок, на базе которого предстояло работать. Моих сотрудников погрузили в большую машину, так называемую БМДС, а меня, как руководителя группы, пригласили в легкий военный пикап.

Помню, как был поражен рассветом над степью. За всю свою жизнь ни разу больше не видел такого огромного и круглого солнца! Золотым шаром оно поднялось в какой-то миг над землей! В те дни многое поразило меня, со многим встретился впервые. Что-то из памяти стерли последующие события, что-то забылось, но тот огромный желтый шар, встающий над просторной, бескрайней степью-пустыней, остался в памяти яркой незабываемой картинкой.

Мы долго ехали по серой асфальтированной дороге, змейкой выходящей среди голой, выжженной степи, пока не уткнулись в шлагбаум, перекрывающий дорогу. Едва машина остановилась, как из малоприметного приземистого домика вышел офицер с двумя солдатами, вооруженными автоматами. Наш сопровождающий выскочил из кабины, и офицер

вытянулся перед ним в струнку. Подъехала машина с остальными сотрудниками, у нас собрали документы, офицер ушел в домик. Нам всем пришлось выйти из автомобилей. Солдаты, проверяя, заглядывали и под капот, и в багажное отделение, и под сиденья машин.

Мы, москвичи, стояли кучкой в сторонке и с любопытством следили за их действиями. Мне много раз приходилось бывать в командировках на различных объектах. Практически все они носили гриф секретности, но такой досмотр был в диковинку. Паспорта наши остались на пропускном пункте, мы расписались в большом grossбухе и получили маленькие визитки-пропуска. Колонна двинулась в дальнейший путь по всё той же выжженной степи. Теперь двигались медленнее, строго соблюдая интервал и скорость движения. Примерно через полчаса подъехали к красивому городку, у въезда в который опять преградил путь шлагбаум. Но теперь встретивший военный наряд только проверил ранее выданный пропуск и разрешил въезд. Разместили нас в уютной гостинице.

Пока товарищи устраивались, мне пришлось встретиться с руководством института и обговорить детали нашей работы. Приятное впечатление произвел пожилой статный генерал, командир части, на базе которой располагался институт. С первых минут встречи мы нашли общие интересы и точки соприкосновения. Он заинтересованно и обстоятельно расспросил о нашем направлении работы, уточнил поставлен-

ные нам задачи. Чувствовалось, что этот человек прекрасно разбирается в вопросах военной техники и следит за всеми новыми разработками. Было приятно говорить на одном языке, что редко встретишь среди руководства военных полигонов.

Вечером всей группой гуляли по городку и знакомились с «местными достопримечательностями». Прогулка вызвала удивление и восторг. Если бы мы не видели выжженной пустыни, когда ехали, ни за что не поверили бы, что вокруг этого маленького оазиса простирается солончак и пески.

Сам городок по принципу старинных поселков делился на две части прямой линией асфальтированной дороги, что шла через всю территорию от въездного КПП до красивого, с колоннами, здания дома культуры. Слева, рядом с дорогой, расположились административные здания: вычислительный центр, центральный штаб полигона, гостиницы и штабы. Справа – четкими рядами выстроились коробочки жилых пятиэтажек с уютными двориками, детскими площадками. Вдоль дороги, как часовые, тянулись к небу стройные пирамидальные тополя. Пешеходные дорожки обрамляли красивые ухоженные газоны, засеянные травой и полевыми цветами. Здесь можно было увидеть полянки ромашек и васильков, клумбу с бархотками и календулой, россыпь других разноцветов. Даже лопушистый репейник, который рос в центре газона, выглядел ухоженным декоративным украшением. Вдоль тропинок проложены арычные канавки, по ним

мягко струилась чистая вода, а на самих газонах бриллиантовым фейерверком разлетались брызги от распылителей, увлажняющих посадки. Пушистые клены и тонкие березки, в обилии растущие во дворах и сквериках, соседствовали с яблоньками и вишней. Но особенно радовала глаз удивительная чистота. Все дорожки и аллейки выметены, бордюрный камень выбелен, а в мирно струящихся фонтанчиках и арыках чистая, прозрачная вода. Кто-то из наших не удержался и, наклонившись, подчерпнул ладошкой воду из арыка, понюхал.

– Братцы, чистейшая!

У дома культуры мы задержались, изучая афишу ближайших мероприятий.

– Гляньте-ка, на прошлой неделе здесь давал концерт сам Юрий Гуляев! Ребята, а в пятницу выступят Тарапунька со Штепселем! Вот бы попасть.

– Да, братцы, не Москва ли с нами!

Удивило нас и умение людей организовывать свой досуг. Во дворах слышался смех детей, удары волейбольного мяча, веселое щебетание красивых женщин. Городок в пустыне жил полноценной жизнью.

В выделенных для работы помещениях – удобство и комфорт, наличие аппаратуры и современной вычислительной техники, радушие приема нового коллектива. Благодаря помощи местных товарищей, мы быстро вошли в рабочий ритм и скомплектовали наше оборудование строго в установлен-

ные сроки. Последние три дня перед запуском ушли на тревожное ожидание, и несмотря на то, что работа была уже выполнена, никто из освободившихся механиков не хотел возвращаться домой до старта.

При запуске ракеты командование разрешило присутствовать троим членам нашей группы. Общим голосованием установили, что со мной поедут Сан Саныч, мой непосредственный заместитель, вложивший в данный проект немало сил и труда, и самый молодой наш сотрудник, Виктор, который совсем недавно стал работать в коллективе и впервые присутствовал при подобных испытаниях.

Где-то я читал, что человек перед каким-либо экстремальным случаем, связанным с тем или иным жизненным поворотом судьбы, острее чувствует и воспринимает окружающую обстановку. Вот и мне события того дня врезались в память до мельчайших подробностей. До сих пор снятся ужасные эпизоды того рокового утра.

На стартовую позицию прибыли очень рано, почти перед рассветом, когда синева неба сгущается до черноты и все окружающие предметы приобретают почти фантастические очертания. Пока разгружались, размещались и располагались, темнота отступила от земли и край неба на востоке обогрился оранжевым цветом. Четко стали видны серые, озабоченные лица окружающих. Все что-то делали, куда-то спешили, были заняты. Постоянно слышались различ-

ные команды и доклады. Так как я стоял рядом со знакомым уже мне генералом, начальником полигона, то постоянно слышал, как ему докладывали о готовности. Генерал был невозмутимый, серьезный, и все к нему обращались строго по субординации: щелкая каблуками, вытягивались во фронт и прикладывали руку к фуражке.

Центральный штаб располагался в добротном укрытии. Железобетонный накат-перекрытие поддерживался высокими опорами, что создавало хороший обзор местности, и, стоя на одном месте, можно было увидеть всё, что творилось вокруг.

Сан Саныч и Виктор находились в другом укрытии, метров на двести ближе к пусковому столу, где на светло-голубом с оранжевыми бликами фоне гордой стрелой уже уткнулась в небо ракета. Помню, что, когда смотрел на их ровное укрытие, он мне показался таким хлипким и незащищенным, что сердце вдруг сжала тревога: «Упаси Бог, если что – не спасутся!» Откуда пришла эта тревога и эта мысль, до сих пор не ведаю.

Кто-то меня окликнул. Я оглянулся, и нарастающий круговорот событий отвлек от дурных мыслей. Из динамиков раздался строгий голос: «Внимание! Прошу всех покинуть стартовую и спуститься в укрытие!» Все и вся притихли в ожидании. Через время вновь ожил динамик.

– Готовность тридцать минут. Командирам доложить о наличии состава! – И опять к генералу бежали гонцы.

– Пятый пост – полная готовность. Шестой пост – полная готовность, – слышалось там и тут.

Как только доклады закончились, динамик объявил готовность номер один и тут же четкий голос стал отсчитывать время.

– Пять, четыре, три... – Сердце замерло, как и всё вокруг. Мне казалось, что оно даже стучать перестало. – Два, один. Пуск!

Долю секунды висела мертвая тишина, затем раздалось резкое шипение, и яркий столб огня вырвался из сопел под ракетой, которая через секунду-другую вдруг качнулась и медленно-медленно, потом, всё ускоряясь и ускоряясь, рванула вверх.

– Ложись! Все на пол! – дикий крик генерала вывел из оцепенения.

Всё. Это было последнее, что я запомнил. Потом – вой, крики, режущая вспышка света, грохот и темнота.

Глава 11

Очнулся в госпитале, в Москве. Мучила жажда. Казалось, что внутри, где-то там, в животе, в руках, в ногах, перекачиваются огненные шарики. Я почти физически чувствовал, как, перемещаясь, они насквозь прожигают мои внутренности. Хотелось крикнуть: «Воды! Кто-нибудь, пожалуйста, дайте глоток воды!» Но я не мог пошевелить языком. Его придавил огромный ком, который застрял в гортани. Но странно, дышать было легко. Потом уже, когда надо мной склонились врачи и стали проводить всяческие манипуляции, до сознания дошло, что это дыхательные трубки, вставленные глубоко в гортань, не позволяли даже стонать.

– Георгий Георгиевич, вы меня слышите? – Надо мной склонился врач в плотной маске, закрывающей лицо, видны были лишь глаза, смотрящие с тревогой, в упор. – Если слышите, дайте знак, прикройте глаза, пожалуйста.

Мне очень не хотелось закрывать глаза, я боялся темноты и пустоты, но усилием воли выполнил просьбу. Едва прикрыл веки, как огненные шары замелькали вновь, обожгли глазницы, и я тут же, не дожидаясь разрешения, вновь открыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.